

ХУДОЖНИК РОССИИ

Газета Союза художников
Российской Федерации

Год издания - 12-й

№ 4-6 (249-251)

Февраль - март 2006 года

М.А. ВРУБЕЛЬ

150 лет со дня рождения

Имя Михаила Александровича Врубеля все увереннее утверждает в оценке потомков как светило первой величины — и не только фазы блистательного русского порубежья XIX—XX веков. Имя, ставшее, вопреки яростному сопротивлению благонамеренных ортодоксов, легендарным уже в сознании его современников. Творчество этого странного, романтичного мастера в пространстве дореволюционного и советского XX века медленно и верно приобрело статус феномена гениальности, открывшего отечественному и мировому искусству новые горизонты. Таким образом, отдельные личные мнения и оценки самых тонких и чутких знатоков, высказанные при жизни художника (П.Чистяков, Н.Ге, А.Бенуа, А.Блок, В.Серов, К.Коровин, А.Головин, М.Нестеров, Н.Рерих, Н.Мурашко, С.Ярёмич и другие), сегодня стали уже всеобщей «академической непреложной» нормой. Подобные нормы обязывают к доказательству, а гений, при всей его исключительности и внешней отдаленности от социума, — это всегда новая парадигма, которую социум рано или поздно обречен признать. Но определить существо врубелевской парадигмы и по сей день задача весьма непростая. С одной стороны Врубель ясен и очевиден, а с другой стороны парадоксально неопределяем. И если верно, как утверждают современные историки искусства, что «после Врубеля в искусстве не стало ничего невозможного», — то справедливо и обратное: ничто послеврубелевское в живописи несопоставимо с его волшебным даром и образным миром. Странность его отчасти выражается и в том, что «хрестоматийный глянec» не пристаёт к врубелевским творениям, привыкания к его стилю и образам не происходит, и они пребывают

в восприятии все такими же свежими и странно живыми, как и в пору их первого появления перед ошеломленным зрителем. Более реальные, чем сама наличная действительность, образы Врубеля, в полном спектре их сенсорной атрибутики, завораживают и чаруют магией цвета, света, рождающихся ассоциаций, ароматов, мелодий всегда неповторимо конкретного обновленного прекрасного мгновения. Лимоном и лавром благоухает его сапфирно-бархатная, теплая «Неаполитанская ночь», с ее отвечающим напевам лютни, «мегафоном пространства»; в тесной таверне «Испании», где пятно ослепительно-ясного синего неба в трагическом диссонансе предельно сгущает наэлектризованность вдруг наступившего молчания, гордая красавица-цыганка в оливковом шелке видит то, что скоро случится на залитой белым слепящим солнцем и кровью арене цирка; полнятся могучими тайными силами жизни душистые мириады раскрывающихся бутонов «Сирени»...

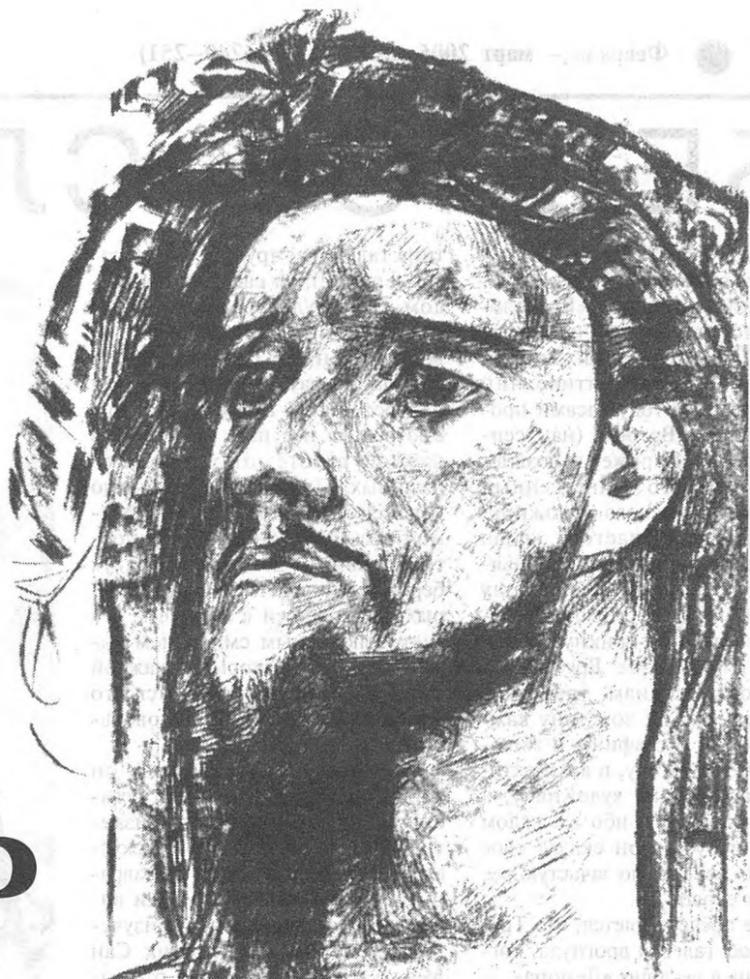
Виртуозный стилист, мастер парадоксальной ювелирно-монументальной формы, Врубель в своих язычески-славянских, античных, германо-готических, библейских, ренессансно-средиземноморских, скандинавских, аравийско-ориенталистских композициях поражает ощущением несомненного документализма — свидетельств некоей проникающей сквозь века и культуры таинственной генетической памяти. Стереоскопическая ясность его светоносной пластики, убеждающая достоверность калейдоскопически-непредсказуемой сценографии бытия сообщают образам художника не только многомерную, смысловую емкость, но новое в

постренессансной живописи ее непрерываемым догматом прямой линейной перспективы измерение. Образы Врубеля — это одновременно и собственно «образы в себе», и их проявление и возникновение на грани яви и не-яви в зрительском сознании. Именно поэтому так странно магически живы все, и в особенности сказочно-мифологические сверхреальные персонажи Врубеля: и уплывающая

М. Врубель. Автопортрет. Киевский государственный музей русского искусства

в отсветы меркнувшей закатной зари «Царевна-Лебедь», и вдруг возникающий из болотного тумана бессмертный Великий «Пан» с его всевидящими глазами; и все еще остывающее, обретающее земную плотность и видимость огненное тело титана-богоборца («Сидящий Демон»), и молнией вспыхнувший в развершемся синем пламени вечности, не знающий жалости и пошады, карающий «Азраил». Художник наделяет образы своего сакрального жанра не изощренной начертанностью «указывающего знака», но мощью и достоинством

М. Врубель. Пророк. 1905

вдруг обретающих реальность воплощения архетипов, эстетически доказывая истинность вековой мечты человечества о бессмертии одухотворенного, мыслящего и сознающего себя мироздания.

В щедром многообразии его разножанрового и многовидового искусства (станковая и монументальная живопись, станковая и иллюстративная графика, скульптура, мозаика, театрально-декорационное искусство) поражает органичность, масштабность и целостность идейно-эстетической программы, экспрессия романтической воли к творчеству, синтетизм и зрелость высокой классичности. «Мне всегда казалось непостижимым, как люди не замечали удивительной «классичности» Врубеля, — писал Александр Головин. — Я не знаю, каким другим словом можно выразить сущность врубелевского искусства».

В феномене Врубеля очевидно и снова выразилась набирающая силы пассионарность русского предреволюционного общества, давшего мировой культуре имена Ф.Достоевского, Л.Толстого, А.Чехова, М.Мусоргского и Н.Римского-Корсакова, В.Соловьёва и Н.Федорова. И парадоксальность творческой парадигмы М.Врубеля в том, что, концентрируя в себе полноту идейно-содержательных поисков и формальных обновлений новейших мировых стилей изобразительного искусства, она не принадлежит сфере собственно направленной: Врубеля нельзя назвать ни «модернистом», ни «символистом», и его собственное место в мировом художественном процессе определимо только в рамках шкалы качественно более крупной размерности.

В веках он стоит рядом с Александром Ивановым, «Библейские эскизы» которого непосредственно соотносимы с «Библейскими эскизами» Врубеля, а его более ранний предшественник — классик Андрей Рублев, олицетворяющий первую волну русского Возрождения XIV—XV веков.

Творчество М.А. Врубеля начинает его новую волну, подготовленную в постивановском пространстве «новой русской школы» (В.Стасов) кратким периодом «бури и натиска» передвижнического идейного реализма (среди программных тем которого, наряду с народно-социальной, ставилась и решалась практически всеми ведущими мастерами картины «онтогносеологическая» тема Христа). И недаром Врубель нашел себя именно в Киеве, приняв из первых рук древних иконописцев эстафету тысячелетней традиции религиозного русского искусства. И именно киевская катастрофа — конфликт с превратившей его работу во Владимирском соборе догматической цензурой — стал отправной точкой его мятежной «Демониады», имеющей в художественной культуре Нового времени параллели разве что в литературном творчестве (Гете, Байрон) великих романтиков, державших проникать в запретную для подцензурного профанного менталитета область эзотерики.

Наверное, поэтому сегодня, в пору торжества столь ненавидимой художником тотальной профанации «всего и вся», пошлости «мировых стандартов» и «всеядного меркантилизма» Михаил Александрович Врубель в зените своей славы видится немеркнувшим светилом, зовущим к вершинам человеческого духа.

А.ЮФЕРОВА

март. 14-6) 03.08